DOI: 10.17976/jpps/2023.02.11
EDN: BODIFQ

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ ПРЕЗИДЕНТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛЬШИ ПОСЛЕ 1989 ГОДА

И.С. Путинцев

ПУТИНЦЕВ Игорь Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО МИД России, Москва, email: isp90@mail.ru

Путинцев И.С. 2023. Эволюция роли президента в политической системе Польши после 1989 года. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 154-170. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.11. EDN: BODIFQ

Статья поступила в редакцию: 28.09.2022. Принята к публикации: 16.01.2023

Аннотация. В статье анализируется эволюция роли президента в политической системе современной Польши. В стране существует специфическая форма правления, которую нельзя отнести ни к полупрезидентской республике, ни к парламентской системе классического типа. Это порождает неопределенность, повышает роль ситуативных раскладов и политической практики. Цель работы – на основе определенных критериев, выделенных автором, проранжировать польских президентов по объему власти и политического влияния, выявив преобладающую тенденцию. К задачам статьи относится обзор имеющихся мнений о классификации формы правления в Польше, исследование нормативной базы, определявшей положение президента на разных этапах (конституционная реформа 1989 г., "малая конституция", конституция 1997 г., решения Конституционного суда), и анализ повлиявших на ее эволюцию политических условий, изучение характера взаимодействия президента с другими органами власти и политическими партиями, выявление иерархии данного взаимодействия и анализ наиболее важных прецедентов, оценка влияния президента на различные сферы государственной политики, включая международную деятельность. Структура статьи базируется на хронологическом принципе. Деятельность шести польских президентов рассматривается не в целом, а в контексте ее влияния на изменение институциональной роли главы государства. Автор приходит к выводу, что влияние главы государства в Польше существенно снизилось в последние 15-20 лет. Основанное на балльной оценке ранжирование подтверждает данный вывод. Кроме права вето и отдельных кадровых полномочий, у президента мало рычагов прямого влияния в сфере государственного управления. Тенденции развития политической практики также складываются не в его пользу: глава государства мало влияет на партии и парадоксальным образом имеет меньший политический вес тогда, когда относится к тому же лагерю, что правительство и парламентское большинство. Роль президента менее значительна, чем лидера правящей партии и премьер-министра, хотя и не сводится к церемониальной.

Ключевые слова: Польша, президент, полупрезидентская республика, парламентская республика, Ярузельский, Валенса, Квасьневский, Качиньский, Коморовский, Дуда.

ВВЕДЕНИЕ, ГИПОТЕЗА, ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

К деятельности президента Польши приковано большое внимание не только внутри страны, но и за рубежом. Зачастую создается впечатление, что его роль в политике ключевая. Страну иногда относят к полупрезидентским

республикам [McMenamin 2008; Elgie 2011], хотя в Польше отсутствует главная черта такой формы правления – двойная ответственность правительства перед президентом и парламентом. На практике у главы государства ограниченный набор полномочий, не позволяющий ему направлять политику правительства. Поэтому специалисты по польскому конституционному праву не поддерживают тезис о полупрезидентской республике, распространенный в западной политологической литературе. Они говорят о польской форме правления как о системе смешанного типа, сочетающей в себе черты парламентско-кабинетной модели (с сильной ролью премьера) и парламентско-президентской модели [Grzybowski 2012: 130], либо как о "рационализированном парламентаризме" [Wyrykowski, Cieleń 2006: 257].

И все же на практике президент имеет немалое влияние в польской политике. За последние десятилетия роль главы государства снизилась, но не стала церемониальной. Во многом она определялась ситуативными политическими раскладами, а также личными качествами президентов и их тактикой. Все они по-разному видели свою роль на политической сцене, хотя в итоге в их деятельности можно увидеть и определенную преемственность. В связи с этим необходимо проанализировать, как и почему менялась роль президента в политической системе после 1989 г., определить факторы его силы и слабости.

Исследования, посвященные данному вопросу, можно разделить на несколько групп. Во-первых, это работы, анализирующие конституционный механизм власти в Польше: статьи юристов-конституционалистов, изучающих форму правления (М. Вырыковский, А. Гжибовский, М. Домбровский, А. Челень), и работы специалистов различного профиля о полномочиях и практической деятельности президента Польши в конкретных вопросах: право вето (А. Пясецкий, М. Пах), законодательная инициатива (Д. Вихерек), назначение судей (Е. Чапала), внешняя политика (А. Хоян), членство Польши в ЕС (А. Будзановская) и др. Всесторонне как с правового, так и с политологического ракурса роль президента Польши анализируют Р. Гляйцар и С. Сьвятала. Большинство указанных работ написаны на польском языке и малоизвестны в России.

Ведущие отечественные исследователи-полонисты, специализирующиеся на современном периоде (В.В. Волобуев, Л.С. Лыкошина, О.Н. Майорова, О.Ю. Михалев, И.С. Яжборовская и др.), детально анализируют внутриполитические процессы в Польше, однако специального исследования, посвященного роли президента как политического института, в настоящее время нет. Близко соприкасалась с данной темой Л.С. Лыкошина, составившая наиболее полные в отечественной литературе политические портреты президентов А. Квасьневского, Л. Качиньского, Б. Коморовского. П.Н. Черемушкин написал биографию В. Ярузельского, изданную отдельной книгой. При работе над данной статьей использовались также объемные биографии Л. Качиньского, созданные польскими авторами (М. Кшимовский, С. Ценкевич и А. Хмелецкий), а также источники личного происхождения: автобиография Л. Валенсы, сборник выступлений А. Квасьневского и воспоминания (в формате книги интервью) Л. Миллера – премьер-министра в 2001-2004 гг. В англоязычной литературе традиционно высокий интерес вызывает фигура Л. Валенсы: еще в 1990-е годы его президентство анализировали Ф. Миллард, К. Ящевич, Т. Бэйлис и др.

Для целей настоящего исследования особое значение имеют работы польского исследователя Р. Гляйцара, прежде всего статья, где эволюция президентской власти анализируется в динамике за 1989-2009 гг. на базе балльных крите-

риев. Схожий метод используется автором и в рамках настоящей статьи, однако с собственным набором критериев и за более длительный период (до 2022 г.).

Гипотеза исследования заключается в том, что президентская власть в Польше после временного усиления при Л. Валенсе и А. Квасьневском серьезно ослабла, и последних польских президентов по реальному объему своей власти правомерно сравнивать не с ними, а с первым президентом В. Ярузельским, несмотря на принципиальные изменения конституционно-правовых и политических реалий. Данная гипотеза доказывается с помощью ранжирования польских президентов по объему их влияния на основе балльной оценки по комплексу критериев.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВЫДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ, БАЛЛЬНАЯ ОЦЕНКА, РАНЖИРОВАНИЕ

Для целей настоящего исследования выделяется 17 критериев, по которым оценивается объем власти и политического влияния шести президентов Польши. По каждому критерию выставляются баллы. Если на различных этапах президентства ситуация по конкретному критерию существенно менялась, могут использоваться дробные показатели (они не расшифровываются, если выделяются между двумя соседними показателями, и объясняются только в более сложных случаях). Итоговая таблица представлена в выводах к статье. Критерии следующие:

Критерий 1 (Нормативная база):
0 – Конституция 1997 г., полномочия президента узкие;
1 – Малая конституция 1992 г., полномочия президента не вполне широкие;
2 – Конституция 1952 г. в редакции 1989 г., полномочия президента широкие.
Критерий 2 (Применение права вето):
0 – практически не применяется или применяется в основном неуспешно;
1 – иногда применяется со значимыми политическими последствиями;
2 – является действенным инструментом влияния на политический процесс.
Критерий 3 (Использование кадровых полномочий):
0 – используются лишь формально, по инициативе ведущих политических сил;
1 – в отдельных случаях усиливают личное влияние президента на политический класс и политику государства, в рамках официальных полномочий;
2 – являются действенным инструментом влияния на политический процесс, в том числе с выходом за традиционные рамки.
Критерий 4 (Законодательная инициатива):
0 – количество одобренных сеймом инициатив превышает 50%;
1 – количество одобренных сеймом инициатив не превышает 50%.
Критерий 5 (Инициирование референдумов):
0 – не было успешных референдумов по инициативе президента;
1 – президент инициировал как минимум один успешный референдум.
Критерий 6 (Осуществление помилования):
0 – президентские помилования имеют исключительный характер;
1 – президентские помилования имеют массовый характер.
Критерий 7 (Взаимодействие с партиями):
0 – у президента нет “своей” политической партии;
1 – президент играет подчиненную роль в “своей” партии;
2 – президент де-факто является лидером партии.

Критерий 8 (Взаимоотношения с сеймом):
0 – сейм контролируют оппоненты президента;
1 – расклад сил в сейме неоднозначный;
2 – сейм контролируют сторонники президента.
Критерий 9 (Возможность роспуска сейма):
0 – президент не распускал сейм и не создавал угрозу роспуска;
1 – президент не распускал сейм, но создавал угрозу роспуска;
2 – президент распускал сейм.
Критерий 10 (Взаимоотношения с председателем Совета министров):
0 – премьер-министр, а не президент – ключевая фигура в системе исполнительной власти;
1 – иерархия взаимоотношений неопределенная;
2 – премьер-министр признает ведущую роль президента.
Критерий 11 (Влияние на судебную систему):
0 – президент назначает судей лишь формально;
1 – президент оказывает личное влияние на процесс назначения судей.
Критерий 12 (Влияние на силовые ведомства):
0 – в основном формальное, в пределах официальных полномочий;
1 – повышенное, основанное на неформальном авторитете.
Критерий 13 (Внешняя политика):
0 – внешнеполитический курс определяется Советом министров, президент играет подчиненную роль;
1 – президент играет ведущую роль в выстраивании отдельных направлений внешней политики;
2 – президент – ключевая фигура внешней политики.
Критерий 14 (Отношения в ЕС, членство в Евросовете):
0 – отношения с ЕС – прерогатива Совета министров;
1 – президент претендует на роль главного переговорщика с ЕС, члена Евросовета;
2 – президент – главный переговорщик с ЕС.
Критерий 15 (Способ избрания):
0 – президент избирается парламентом;
1 – президент избирается на всеобщих выборах.
Критерий 16 (Личная популярность):
0 – президент имеет стабильно низкий рейтинг;
1 – отношение к президенту в обществе неоднозначное;
2 – президент имеет стабильно высокий рейтинг.
Критерий 17 (Период у власти):
0 – один незавершенный срок;
1 – один срок;
2 – два срока.

Данные критерии можно сгруппировать следующим образом: объем официальных полномочий (критерий 1), их использование на практике (2-6), взаимоотношения с ключевыми субъектами политического процесса (7-12), роль во внешней политике (13-14), иные (15-17). По 11 главным критериям можно получить максимум 2 балла, по 6 критериям – 1 балл, итого 28 баллов.

Президент В. Ярузельский как гарант соглашений “круглого стола”

Учреждение поста президента в 1989 г. было частью соглашений “круглого стола” между властью и антикоммунистической оппозицией о поэтапной политической реформе. Наделение главы государства широкими полномочиями было условием правящей партии, неохотно принятым ее оппонентами [Майорова 2007: 45-46]. Предполагалось, что президентом станет действующий руководитель страны генерал Войцех Ярузельский, который будет гарантом соглашений “круглого стола” на случай успеха оппозиции на частично свободных парламентских выборах. Поэтому он получил мощные рычаги: право вносить в сейм кандидатуру премьер-министра, по его представлению назначать членов кабинета, налагать вето, для преодоления которого требовалось не менее двух третей голосов. Глава государства мог распустить сейм, если принимаемые законы препятствовали исполнению им своих обязанностей, а также в некоторых иных случаях.

На тот момент правящие силы не предвидели масштаба своего поражения на выборах 1989 г., ожидая, что будут контролировать парламентское большинство и правительство. Однако убедительная победа оппозиционной “Солидарности” на фоне кризиса социализма в Восточной Европе кардинально изменила ситуацию. Ярузельский, избранный президентом большинством всего лишь в один депутатский голос, не смог получить поддержку сейма при формировании кабинета и был вынужден назначить премьером представителя “Солидарности” Т. Мазовецкого.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда президент, по закону имевший широкие полномочия, не мог использовать их на практике. После победы “Солидарности” он воспринимался в обществе как недостаточно легитимный лидер, представляющий проигравшую партию. Было ясно, что если бы на свободных выборах избирались не 35% членов сейма, а все депутаты, то Ярузельский не смог бы стать президентом. Его избрание стало возможным только потому, что “Солидарность” еще не решилась отойти от соглашений “круглого стола”, опасаясь силового сценария.

Несмотря на то, что именно Ярузельский ввел в Польше военное положение в 1981 г., он всегда отличался готовностью к компромиссу. Став президентом, он сознательно выбрал крайне пассивную тактику, не препятствуя деятельности кабинета Мазовецкого. Стиль его президентства оценивался как инертный, бездеятельный [Barański, Czyż, Rajczyk 2014: 156]. За все время он лишь раз попытался применить право вето, выступив против допуска иностранцев к купле-продаже земли, но безрезультатно. Другим реформам в духе “шоковой терапии”, противоречившим его идейным убеждениям, президент не сопротивлялся и не имел таких намерений [Черемушкин 2016: 240].

И все же у Ярузельского оставались некоторые властные рычаги. Руководство “Солидарности” на первых порах осторожно выстраивало отношения с силовыми ведомствами. В данном вопросе Мазовецкий был вынужден опираться на Ярузельского, пообещавшего обеспечить ему поддержку государственного аппарата, армии и спецслужб [Leszczyńska 2011: 47]. Министрами внутренних дел и обороны в его кабинете были деятели из окружения генерала. Ярузельский также исполнял важную функцию во внешней политике. Его избрание президентом позволило советскому руководству сохранить лицо в тех условиях, когда СССР стремительно терял влияние в Восточной Европе. Имея давние отношения с М.С. Горбачевым,

Ярузельский помогал новым властям Польши выстраивать сбалансированный курс, что снижало вероятность сценария, при котором Москва решила бы активно противодействовать переменам в Восточной Европе. Характерно, что летом 1990 г. именно Ярузельский, а не Мазовецкий представлял Польшу на московской встрече руководителей стран-участников Организации Варшавского договора и, в отличие от лидеров Венгрии и Чехословакии, не пытался поставить вопрос о роспуске организации.

Поскольку события в СССР и Восточной Европе развивались стремительно, Ярузельский недолго сохранял остатки своего влияния. Набравшие силу политики нового поколения уже не нуждались в компромиссах с прежней властью. У Ярузельского не было опоры в обществе, чтобы выдержать давление и доработать шестилетний срок. Договоренность о его отставке и переходе к прямым выборам главы государства была достигнута в сентябре 1990 г. на встрече 28 наиболее влиятельных политиков (включая президента, премьера, глав сейма и сената), не встретив сопротивления генерала [Walesa 1992: 281].

Теоретически Ярузельский мог стать основателем традиции, по которой президент не использует свои обширные полномочия и ограничивается церемониальной ролью. Это соответствовало бы и историческому опыту Польши в межвоенный период. После 1989 г. по этому пути пошла, например, Венгрия. Однако в Польше данная тенденция не получила развития. Лех Валенса, сменивший Ярузельского в декабре 1990 г., стал его полной противоположностью на посту президента.

Лех Валенса и его цель – создание президентской системы

Властные амбиции Валенсы были обусловлены целым рядом обстоятельств. В отличие от Ярузельского, на момент избрания он был очень популярным политиком. Победа на прямых выборах дала ему неоспоримый источник легитимности. Избиратели ожидали от него активной роли и быстрых перемен в обществе. Большое значение имела и личность Валенсы: он имел общемировую известность, образ народного героя, был нобелевским лауреатом.

Первоначально у Валенсы были властные рычаги, доставшиеся ему в наследство от Ярузельского. По иронии судьбы руководители компартии, ранее настоявшие на модели сильной президентской власти, не смогли воспользоваться ей, а бенефициаром реформы в итоге стал их главный оппонент. Впрочем, основными проигравшими были не бывшие коммунисты, которых уже оттеснили на обочину политической жизни, а вчерашние соратники Валенсы по “Солидарности”, привыкшие управлять правительством, не считаясь с президентом. При Ярузельском это было возможно, но Валенса собирался управлять кабинетом напрямую, тем более что Мазовецкий потерпел поражение на выборах и покинул пост премьера. Его преемником стал малоизвестный политик и предприниматель Я.К. Белецкий, кабинет которого называли “личным” правительством Валенсы [Glajcar 2009: 188], поскольку именно он имел ключевое влияние на его формирование, а во многом – и на деятельность. Тогда же президент Польши в первый и последний раз лично руководил работой Совета министров, возглавив первое заседание кабинета Белецкого [ibid.: 192]. (В следующие 30 лет проводились только консультационные встречи президента с правительством, не имевшие статуса заседания Совета министров и не предполагавшие принятия решений.)

Дополнительный вес Валенсе придавало то, что сейм, от которого зависело утверждение кабинета, ранее был избран на не полностью свободных выборах, что снижало его легитимность. Когда в октябре 1991 г. сейм был переизбран по демократическим правилам, положение президента осложнилось, поскольку в новом крайне фрагментированном парламенте у него не было партийной опоры. Валенсе пришлось согласиться с назначением на пост премьера Я. Ольшевского, который самостоятельно определил состав кабинета и сразу перешел к атаке на президента. Впрочем, стремление Ольшевского опубликовать списки политиков, ранее сотрудничавших со спецслужбами (включая самого Валенсу), быстро лишило его поддержки в сейме, чем воспользовался президент, инициировавший его отставку. При этом сейм не согласился назначить очередное "карманное" правительство Валенсы под номинальным руководством В. Павляка – неопытного 32-летнего политика. В итоге между Валенсой и сеймом был достигнут шаткий компромисс. При новом премьере Х. Сухоцкой влияние президента на кабинет возросло, хотя и не настолько, как было при Белецком. Президент пытался определять принципы сотрудничества с кабинетом, ключевые направления его деятельности [Leszczyńska 2011: 58] и фактически контролировал три министерства: обороны, внутренних и иностранных дел.

Новый сейм отверг проект конституции, предложенный Валенсой и закреплявший за президентом роль центра политической жизни. Вместо этого сейм принял так называемую малую конституцию – временный основной закон, урезавший полномочия президента. Он потерял право инициировать отставку правительства (как в случае с кабинетом Ольшевского) и мог распустить сейм только в четко оговоренных случаях. Нормативные акты президента, за некоторыми исключениями, требовали контрассигнации премьера или соответствующего министра. Ранее она не применялась на практике, поскольку не был принят соответствующий закон [Dąbrowski 2018: 161]; теперь же правило контрассигнации существенно ограничило власть президента.

Валенса был против принятия малой конституции: его окружение считало, что она устанавливает в стране "сеймократию" [Baylis 1996: 312]. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку президент сохранил немало полномочий (в том числе право вето в прежнем виде), а также лично определял политику страны в сфере иностранных дел, внутренней и внешней безопасности. Мнение президента запрашивалось при назначении соответствующих министров, что отвечало практике, сложившейся в кабинетах Белецкого и Сухоцкой (но не Ольшевского). Данное положение впоследствии стало предметом споров. Руководителей так называемых президентских ведомств по факту назначал Валенса, тогда как в сейме считали, что это противоречит конституции, поскольку подрывает единство правительства и принцип его ответственности перед парламентом [Jaśkiewicz 2008: 57].

Политический стиль Валенсы был конфронтационным, он был склонен выходить за установленные рамки. В 1993 г. после вотума недоверия кабинету Сухоцкой он распустил парламент, чего не ожидал практически никто в политическом классе [Simpson 1996: 317]. Этим он лишь ухудшил свое положение, поскольку в новом сейме оппоненты Валенсы получили устойчивое большинство. Впрочем, его лидеры часто не решались противостоять президенту даже тогда, когда он явно расширительно трактовал свои права. Так, он не позволил главному победителю парламентских выборов А. Квасьневскому стать премьером, и в итоге правительство возглавил В. Павляк как компромиссная фигура.

Валенса не только сохранил "президентские ведомства", но пытался влиять на назначение других членов кабинета: например, заблокировал назначение министра финансов. В 1994 г. он снял с должности главу Совета по радио- и телевещанию: несмотря на то, что Конституционный суд признал данное решение неправовым, по факту оно вступило в силу [Jasiewicz 1997: 151]. Под надуманным предлогом Валенса угрожал распустить сейм: в последний момент его остановила только угроза импичмента. В конце 1995 г. президент с подачи лояльного ему министра внутренних дел заявил о сотрудничестве премьер-министра Ю. Олексы с российской разведкой. Данный скандал в итоге привел к отставке главы кабинета, несмотря на бездоказательность обвинений.

Конфронтационная линия президента достаточно быстро привела к девальвации многих его действий и инициатив. Хотя для преодоления президентского вето требовалось две трети голосов, при Валенсе это удалось сделать в 14 из 27 случаев [Piasecki 2009: 88]. Минимальным оказалось влияние президента на процесс разработки новой конституции. За годы власти Валенса рассорился почти со всеми своими соратниками – как правило, по собственной инициативе. Важным фактором, ослаблявшим его влияние, было нежелание заниматься партстроительством. Вначале он не поддержал идею создания "президентской партии" и пошел на это лишь перед выборами 1993 г. Однако патронируемая им сила получила 5% голосов и едва прошла в сейм, после чего Валенса быстро дистанцировался от нее [Jasiewicz 1997: 156].

Несмотря на это, Валенса оставался влиятельной политической фигурой. Он выглядел выигрышно на фоне череды премьер-министров, менявшихся в среднем раз в год. На него ориентировались военные и дипломаты. В 1994 г. на основании опроса генералов он добился отставки министра обороны. Данный инцидент ("Дравский обед") был воспринят как попытка вовлечь генералитет в политические игры. Важным фактором влияния Валенсы была его роль во внешней политике. Именно он был главным представителем Польши на международной арене и вел переговоры с ведущими мировыми лидерами. Зарубежная популярность президента производила впечатление даже на его критиков: они с удивлением отмечали, например, как западные лидеры подходили к нему за автографом на Копенгагенском саммите ЕС [Miller 2013: 51-52].

Растеряв за годы президентства почти всех союзников и подвергаясь разгромной критике и слева, и справа, Валенса совершил впечатляющий рывок перед президентскими выборами 1995 г. Начав с позиции аутсайдера, он вышел во второй тур и проиграл А. Квасьневскому лишь с небольшим разрывом. Но поскольку за ним не стояло партии, потеря президентского кресла моментально привела к его маргинализации как политика: спустя пять лет он получил на выборах 1% голосов.

Несмотря на то, что из всех польских президентов после 1989 г. Валенса был самым влиятельным, его деятельность сильно ударила по институту президентства как таковому. В польской политической элите к концу его правления сложился консенсус, что полномочия главы государства необходимо ограничить [Millard 1999: 44]. Поэтому его преемники лишились многих прерогатив.

НОВАЯ МОДЕЛЬ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ КВАСЬНЕВСКОМ

А. Квасьневский больше, чем кто-либо, повлиял на формирование современной модели президентской власти в Польше. При нем возникла не только новая нормативная база, но и значительная часть политических традиций,

связанных с фигурой президента. Деятельность Квасьневского до сих пор воспринимается в стране как своего рода эталон. Его переизбрание в 2000 г. – единственный случай, когда польский политик выиграл президентские выборы в первом туре. Высокая популярность Квасьневского противоречила стереотипам: он приобрел ее несмотря на то, что был выходцем из коммунистической элиты и придерживался атеистических взглядов.

До своего избрания Квасьневский возглавлял в сейме конституционную комиссию, в качестве президента продолжал активно участвовать в разработке конституции и в итоге оказал на этот процесс большее личное влияние, чем другие политики [McMenamin 2008: 125]. В сравнении с Валенсой его успех определялся двумя факторами: во-первых, наличием опоры в сейме в виде самой крупной фракции, и во-вторых, отказом от идеи расширения президентских полномочий, что позволяло ему позиционировать себя как беспристрастного участника процесса.

Возглавив страну, Квасьневский не мог дезавуировать тезис о необходимости ослабления президентской власти, который не раз озвучивал в предыдущие годы. Поэтому по новой конституции, принятой в 1997 г., президент утратил почти все рычаги влияния на правительство и более не мог направлять его деятельность ни в целом, ни в отдельных сферах. Концепция "президентских ведомств" ушла в прошлое, а кабинет стал в полном составе формироваться премьером и парламентским большинством.

При этом президенту удалось отстоять часть полномочий, которых он мог лишиться в начальном варианте реформы. Для преодоления вето отныне требовалось не две трети, а 60% голосов в сейме, хотя ранее планировалось установить 50-процентную планку [Pach 2011: 139]. Незадолго до голосования за новую конституцию Квасьневский также добился сохранения за собой отдельных прерогатив, которых не было в парламентском проекте. Так, для назначения главы Национального банка и членов Совета по монетарной политике, а также начальника Генерального штаба и командующих видами Вооруженных сил не требовалось согласия премьер-министра. Право определять председателей трех высших судебных органов (Конституционного трибунала, Верховного суда и Высшего административного суда) из числа кандидатов, предложенных судейским сообществом, предоставлялось президенту, а не сейму [Millard 1999: 45-46].

Несмотря на урезание президентских полномочий, Квасьневский сохранил значительное влияние. До 1997 г. оно обеспечивалось лояльным президенту парламентским большинством. Премьер В. Чимошевич, верный соратник президента, исправно являлся в президентский дворец в начале каждой недели [Miller 2013: 120]. Как ни удивительно, правая оппозиция, пришедшая к власти в 1997 г., не смогла оттеснить президента на обочину политической жизни. Имея меньше властных рычагов, чем Валенса, Квасьневский применял их более продуманно и эффективно. Например, наложенное им вето удалось преодолеть лишь в трех случаях из 35 [Piasecki 2009: 89]. Высокая результативность действий Квасьневского и его популярность в обществе заставляли оппонентов считаться с президентом, тем более что он был склонен к диалогу и компромиссу. Единственным из президентов он успешно инициировал референдумы, прибегая к данной практике по наиболее важным вопросам (принятие конституции, вступление в ЕС) и используя ее как один из инструментов укрепления личного авторитета.

По иронии судьбы, более сложным для президента оказалось не "политическое сожительство" с правительством Е. Бузека (1997-2001 гг.), а взаимодействие с кабинетом своего давнего соратника Л. Миллера (2001-2004 гг.). Наблюдатели отмечали, что будь у Квасьневского возможность, он выдвинул бы другого кандидата из рядов бывших однопартийцев [McMenamin 2008: 129], но окружение Миллера на тот момент контролировало в партии все командные высоты [Лыкошина 2015: 57]. Отношения Квасьневского и Миллера складывались непросто: президент активно пытался использовать неформальное влияние на правительственные круги в обход премьер-министра [Miller 2013: 219]. Соперничество наблюдалось и в сфере внешней политики. Споры о том, кто должен представлять Польшу на саммитах ЕС, проявились открыто, когда президент и премьер вдвоем участвовали в церемонии поднятия флага на Дублинском саммите 2004 г., нарушив протокольный принцип "одна страна – одно первое лицо". Дискутируя друг с другом по этому вопросу, Квасьневский и Миллер доходили даже до обсуждения импичмента [ibid.: 222], хотя это оставалось за закрытыми дверьми. При этом ведущая роль президента в сфере отношений с США и НАТО, а также Россией и Украиной не была предметом дискуссии.

Сложности взаимоотношений Квасьневского и Миллера показали, насколько большое значение для президента имеет наличие партийной опоры. Выйдя из партии после избрания на высший пост, Квасьневский заложил традицию, которой хотя бы формально придерживались все его преемники. Он подчеркивал, что следует надпартийной логике везде, где возможно [Лыкошина 2001: 54]. Поскольку Квасьневский действительно не всегда шел в ногу со своими бывшими однопартийцами, такие заявления воспринимались с доверием, что влияло на его рейтинг. С другой стороны, данная тактика быстро привела к размыванию влияния Квасьневского на "собственную" партию. Лишь за полтора года до окончания своего срока Квасьневский, пользуясь ее внутренним кризисом, смог назначить премьером лояльного ему М. Бельку. Это был единственный раз после принятия конституции 1997 г., когда президент лично определил кандидатуру нового премьера и во многом повлиял на состав кабинета, фактически выйдя за рамки своей конституционной роли [Glajcar 2009: 190].

Ослабление влияния президента после 2005 года

Лех Качиньский, совместно с братом-близнецом Ярославом основавший правую партию "Право и справедливость" (ПиС), видел роль главы государства иначе, чем его предшественник. В 2005 г. он выиграл выборы, обещая стать "сильным президентом" и реализовать программу ПиС [Cenkiewicz, Chmielecki 2016: 17]. В его понимании президент был в первую очередь не посредником и арбитром, а активным субъектом политического процесса, аффилированным с конкретной партией. Формально Л. Качинский был главным лицом ПиС, когда она только начинала заявлять о себе в польской политике: в 2002 г. он был избран мэром Варшавы, а спустя три года – президентом[1]. Вместе с тем, он еще в 2003 г. уступил позицию лидера ПиС своему брату.

[1] В первом выступлении после победы на выборах он обратился к Я. Качиньскому: "Господин председатель [партии], докладываю о выполнении задания!". См. Wroński P. "Panie prezesie, zadanie wykonane". *Wiadomości*, 23.10.2005. https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114873,2981865.html (accessed 11.09.2022).

В тандеме двух близнецов Лех всегда считался "ведомым", а ключевые решения зависели от его брата как до, так и после 2005 г. [Krzymowski 2015: 196, 210].

В качестве президента Л. Качиньский следовал партийной линии, которую определял его брат. В начале 2006 г. он попытался под надуманным предлогом создать угрозу роспуска сейма, чтобы усилить позиции ПиС на досрочных выборах, однако в итоге партия не решилась на данную меру, опасаясь, что ее признают неконституционной. Содействие президента облегчило кадровые перестановки летом 2006 г., когда премьер-министра К. Марцинкевича заставили уступить должность своему однопартийцу Я. Качиньскому. До конца 2007 г. президент только раз налагал вето и не пытался направлять деятельность кабинета. Между братьями Качиньскими не было противоречий ни во внутренней, ни во внешней политике. В отношениях с Евросоюзом они следовали тактике злого и доброго следователя: президент представлял Польшу в мероприятиях ЕС, если не требовалось выступать с особой позицией, а премьер – когда возникали противоречия [ibid.: 205].

Таким образом, президент не имел определяющего влияния на государственный курс, но поскольку он входил в правящий лагерь, создавалось впечатление, что он направляет политику страны или как минимум активно участвует в этом. Ситуация кардинально изменилась с победой оппозиции на парламентских выборах 2007 г. и формированием кабинета Д. Туска – главного оппонента братьев Качиньских. Потеряв опору в правительстве и сейме, президент утратил основные рычаги влияния. Его действия создавали определенные сложности для правящих сил, но в целом их эффект был невысоким.

Президент регулярно использовал право вето, что повысило в сейме роль не входящей в коалицию левой фракции, которая почти в 40% случаев предоставила недостающие голоса для его преодоления [Piasecki 2009: 93]. Более года Л. Качиньский не утверждал ратификацию Лиссабонского договора, однако в итоге снял возражения. Борьба президента и премьера за право представлять Польшу в Евросовете сопровождалась скандалами: Качиньскому не предоставили правительственный самолет, он прилетел в Брюссель частным рейсом, а канцелярия президента подала в суд на правительство, пытаясь возместить его стоимость[2]. Этот конфликт не только выставлял главу государства в комичном свете, но и имел серьезные последствия: Конституционный суд в 2009 г. постановил, что президент может выступать в Евросовете только с позицией, согласованной с премьером или главой МИД [Chojan 2013: 133-134]. Таким образом, право представлять Польшу на саммитах ЕС фактически стало прерогативой премьера. Вместе с тем Л. Качиньский впервые усилил влияние президента на назначение судей, не утвердив в 2008 г. нескольких кандидатов, предложенных судейским сообществом. Конституционный суд признал за президентом соответствующее право, но только в исключительных случаях при наличии мотивированной позиции [Ciapała 2018: 495].

В целом борьба с кабинетом Туска не только обернулась личным поражением Л. Качиньского, но и снизила политический вес должности президента как таковой. Важным прецедентом стал отказ Туска баллотироваться на выборах 2010 г., на которых он как самый влиятельный и популярный политик мог взять реванш за поражение от Л. Качиньского в 2005 г. Премьер заявил, что "после того, как новый президент произносит слова присяги, у него есть толь-

[2] Arabski zapłaci za lot prezydenta? *TVP*, 14.03.2009. https://www.tvp.info/456374/arabski-zaplaci-za-lot-prezydenta (accessed 12.09.2022).

ко престиж, почет, люстра, дворец и [право] вето" [цит. по: Glajcar 2016: 23]. Оставшись на посту главы кабинета, Туск сохранил центральную роль в польской политике, а его резонансное высказывание породило популярный образ главы государства как "стражника люстры" в президентском дворце.

На посту президента Л. Качиньский заложил новую традицию осуществления права помилования. Все его предшественники пользовались им расширительно, трактуя его как инструмент влияния: за год при Ярузельском было помиловано 607 чел., в президентство Валенсы – 3,5 тыс. чел., при Квасьневском – 4,3 тыс. чел.[3] Имея образ непримиримого борца с коррупцией и опыт работы министром юстиции, Л. Качиньский отказался от данной практики, применяя помилование лишь в исключительных случаях (201 чел.). Практике самоограничения следовали и его преемники на посту президента.

Трагическая гибель Л. Качиньского и его окружения в авиакатастрофе под Смоленском в апреле 2010 г. существенно изменила восприятие его фигуры в обществе. В конце правления он не был особенно популярным политиком, однако его посмертный образ изменился на положительный [Turska-Kawa, Wojtasik 2019: 14]. Его похороны в краковском Вавельском соборе – усыпальнице королей и выдающихся деятелей польской истории – отражали особое отношение поляков к символической роли главы государства.

Вместе с тем в реальной политике итоги правления Л. Качиньского нельзя считать успешными: именно при нем главным политиком, олицетворяющим политический курс Польши, стал считаться не президент, а премьер-министр. С 2006 до 2014 г. данную должность занимали лидеры двух основных партий: Я. Качиньский и Д. Туск. Они оба в разное время потерпели поражение в борьбе за президентское кресло, что не помешало им стать наиболее влиятельными политиками в стране.

Данная тенденция усилилась при Бронславе Коморовском, возглавившем Польшу в 2010 г. Он стал единственным президентом, на протяжении всего срока имевшим поддержку парламентского большинства. Парадоксальным образом в этом заключалась его слабость. Правящая партия ("Гражданская платформа" Туска) отвела ему церемониальную роль. Президенту создали образ нейтрального политика, представителя центра политического спектра, а в нем – самой середины [Лыкошина 2015: 164]. Несмотря на внешнее соответствие, по сути это противоречило принципам, заложенным Квасьневским. В отличие от него, Коморовский не был самостоятельной фигурой, а его нейтральный образ был нужен "Гражданской платформе", чтобы выйти за пределы своего электорального ядра.

Коморовский лишь в отдельных случаях пытался проявлять самостоятельность, что, впрочем, не имело большого эффекта. Четырежды он накладывал вето (значительно реже, чем другие президенты), но это касалось второстепенных вопросов, таких как план создать новую военную академию. Преобладание правящей коалиции в обеих палатах парламента дало ему возможность расширить состав регулярных совещаний президента с правительством и впервые привлечь к ним спикеров сейма и сената. Тем самым подчеркивалось, что данные мероприятия имеют не только информационную, но и координационную функцию [Budzanowska 2019: 269], обеспечивая согласованные действия ветвей власти. Однако фактически они зависели не от Коморовского, а от созданной

[3] По данным официального сайта президента Польши. https://www.prezydent.pl/prezydent/piec-lat-prezydentury-andrzeja-dudy/legislacja (accessed 11.12.2022).

Туском партийной машины, контроль за которой он сохранил даже тогда, когда в 2014 г. переехал в Брюссель на должность председателя Евросовета.

Вследствие бесконфликтности Коморовского у него было мало открытых врагов в обществе и политическом классе. Перед выборами в мае 2015 г. он казался явным фаворитом, и тем более неожиданной была победа малоизвестного молодого политика Анджея Дуды, депутата Европарламента от оппозиционной ПиС. Его успех показал, что польское общество ожидало от президента более активного участия в государственных делах. Коморовского не воспринимали в обществе как влиятельную фигуру: об этом говорит, например, реакция на популистский референдум, объявленный им в попытке нарастить популярность после первого тура выборов: на участки явилось лишь 8% избирателей. Поэтому Дуда не мог ограничиться характерной для Коморовского церемониальной ролью. Он сразу перешел в наступление на правительство, предложив отменить повышение пенсионного возраста. По данному вопросу президент попытался инициировать референдум (неутвержденный сенатом) и внес законопроект в сейм. Несмотря на то, что эти попытки были заведомо обречены на неудачу, они добавили популярности оппозиции накануне парламентских выборов. Властям было сложно оппонировать Дуде как самому популярному политику, только что получившему поддержку большинства. Таким образом, он выступил как электоральный локомотив оппозиции [Szczerbiak 2017: 411].

Уверенная победа ПиС на парламентских выборах в октябре 2015 г. существенно изменила властную конструкцию, отодвинув президента на второй план. Кадровый состав и программу правительства стал определять Я. Качиньский как лидер правящей партии. Теперь он не нуждался в Дуде, которому отводилась роль "второго Коморовского". Впрочем, президент не был готов ограничиться церемониальными функциями, что неизбежно вело к трениям с Я. Качиньским, отличавшимся авторитарным стилем руководства. В данной ситуации Дуда, несмотря на идеологическую близость с ПиС, попытался играть на противоречиях между двумя главными партиями, позиционируя себя как президента всех поляков в духе традиции, заложенной Квасьневским. Поскольку у оппозиции было более 40% мест в сейме, президент мог заблокировать любой законопроект, инициированный правящей партией. Дуда нечасто накладывал вето, но, в отличие от Коморовского, это касалось принципиально важных вопросов: например, судебной реформы в 2017 г., вызвавшей массовые акции протеста и критику Брюсселя, а также закона о СМИ в 2021 г., принятие которого грозило закрытием главного оппозиционного телеканала и ухудшением отношений с США.

Действия Дуды показали, что он вопреки распространенному образу не является марионеткой Качиньского. Однако при этом президент, имея возможность заблокировать некоторые инициативы правящей партии, не мог управлять ей, определять ее программу, расставлять кадры. Партия оставалась "вотчиной" Качиньского. Это показала прежде всего неудачная попытка Дуды инициировать референдум об изменении конституции с целью расширения своих полномочий. Качиньский публично выступил против данной идеи, хотя ранее был ее сторонником [Dziemidok-Olszewska, Michalczuk-Wlizło 2018: 30]. Одновременно правящая партия дала понять, что, напротив, поддерживает усиление роли премьер-министра за счет президента [Tomaszewski 2019: 93]. Спор между Дудой и Качиньским был разрешен голосованием в сенате в 2018 г.: из 59 сенаторов от ПиС лишь девять поддержали проект президента, остальные 50 воздержались.

Высказывалось мнение, что результат мог быть для Дуды еще хуже, если бы партийная верхушка не дала ему сохранить лицо[4]. После этого президент перестал восприниматься как конкурент Качиньского, который пусть неохотно, но все же поддержал его переизбрание в 2020 г.

Во внешней политике Дуда играл несколько большую роль, чем во внутренней. При нем Польша оказалась в центре внимания администрации Д. Трампа, а организация личной встречи двух президентов за четыре дня до выборов 2020 г., возможно, имела решающее влияние на их исход (Дуда победил с минимальным перевесом). После начала специальной военной операции России в феврале 2022 г. Дуда делал наиболее важные заявления от имени Польши и лично вел переговоры с президентом Украины, следуя сложившейся ранее практике. Создавалось впечатление, что именно Дуда определяет позицию страны во внешней политике, хотя ключевые властные рычаги остались в руках Я. Качиньского и лояльного ему премьера М. Моравецкого.

Заключение

Балльная оценка президентов Польши по объему влияния представлена в таблице. По сумме баллов за все показатели президенты Польши ранжируются следующим образом (максимум 28 баллов): Квасьневский (21 балл), Валенса (17), Качиньский (12), Дуда (11), Ярузельский (9), Коморовский (7). Это подтверждает гипотезу исследования, что сравнение последних трех президентов более правомерно не с Квасьневским, имеющим образ сильного и успешного главы государства, и не с Валенсой (сильным, но не вполне успешным президентом), а с Ярузельским, игравшим в основном формальную роль во главе государства, хотя и не исключительно церемониальную.

Несмотря на высокий уровень общественного внимания к деятельности президента Польши, его реальное влияние невелико. В последние 15-20 лет оно существенно снизилось. Конституция 1997 г. ограничила полномочия главы государства, лишив его ключевых рычагов влияния на правительство. При этом возникли две главные проблемы: несоответствие малого объема власти президента способу его избрания прямым голосованием и недостаточно четкое разграничение полномочий между президентом и правительством [Świątała 2009: 101], которые, согласно конституции, являются двумя составными элементами исполнительной власти.

В этих условиях возрастает значение политической практики. Принципиальное значение имеет то, что после 1990 г. ни один президент, кроме Квасьневского, не был на момент избрания лидером партии. При этом руководители двух ведущих партий (Д. Туск и Я. Качиньский), которые контролируют их уже 20 лет, проиграли выборы президента и, как результат, в дальнейшем способствовали ослаблению роли главы государства. Сложилась традиция, при которой президент находится “в обойме” выдвинувшей его партии, но не направляет ее. В некоторых случаях он соглашался с этой ролью (Л. Качиньский, Б. Коморовский), в других пытался сопротивляться без явного успеха (А. Дуда). Таким образом, после 2005 г. ни один президент не достиг уровня влияния Валенсы, имевшего уникальную биографию и широкие полномочия, и Квасьневского, который умелыми действиями заставил считаться с собой все политические силы.

[4] Dąbrowska A., Szacki W. Pusta prezydentura. *Polityka*. 2018. Nr. 37. S. 14.

Таблица (Table)

Балльная оценка президентов Польши по объему влияния

The score of the Presidents of Poland in terms of influence

Критерий	Ярузельский	Валенса	Квасьневский	Качиньский	Коморовский	Дуда
Нормативная база	2	1,5	0,5	0	0	0
Применение права вето	0	1	2	1	0	1
Использование кадровых полномочий	1	2	2	1	0	0
Законодательная инициатива*	0	0	1	1	0	1
Инициирование референдумов	0	0	1	0	0	0
Осуществление помилования	1	1	1	0	0	0
Взаимодействие с партиями	2	0	1,5	1	1	1
Взаимоотношения с сеймом	1	0,5	(0+1+2)/ 3=1	(0+2)/ 2=1	2	2
Возможность роспуска сейма	0	2	1	1	0	0
Взаимоотношения с председателем Совета министров	0	(0+1+2)/ 3=1	1,5	0,5	0	0
Влияние на судебную систему	0	0	0	1	0	1
Влияние на силовые ведомства	1	1	0	0	0	0
Роль во внешней политике	1	2	2	1	0	1
Роль в отношениях с ЕС	-	2	1,5	0,5	0	0
Способ избрания	0	1	1	1	1	1
Личная популярность	0	1	2	1	2	1
Период у власти	0	1	2	1	1	2
ИТОГ	**9**	**17**	**21**	**12**	**7**	**11**

Источник: оценки и расчеты автора.

* Используется статистика из исследования Д. Вихерека [Wicherek 2020: 152].

Парадоксальным образом президент Польши играет более значимую роль, когда парламент и правительство контролируют его оппоненты, и становится во многом церемониальной фигурой, когда принадлежит к правящему политическому лагерю. Ситуация внутреннего противостояния позволяет президенту регулярно применять право вето (самое действенное из своих полномочий) и более эффективно использовать немногие имеющиеся у него кадровые полномочия как инструмент торга и навязывания компромисса.

В сфере внешней политики сложилась практика, по которой президент Польши напрямую ведет переговоры с лидерами стран с сильной ролью главы государства (США, Китай, Россия, Украина и др.) и участвует в саммитах НАТО. Во взаимоотношениях с Евросоюзом ведущую роль играет премьер-министр, представляющий Польшу в Европейском совете. Несмотря на высокий медийный интерес к международной деятельности президента, в целом полномочия правительства в данной сфере значительно шире, а спорные ситуации разрешаются в его пользу.

Двусмысленное положение президента Польши, имеющего высокий уровень легитимности, но мало реальной власти, во многом вызвано амбивалентным отношением польского общества к институту главы государства. Оно не готово отказаться от прямых выборов, считая их одним из достижений эпохи падения социализма и перехода к демократии. Вместе с тем многовековая парламентская традиция делает немыслимым решение важнейших вопросов иначе, как через сейм, а это усиливает роль парламента и ответственного перед ним кабинета. В результате президент не может самостоятельно определять курс страны, но должен быть деятельным и активным хотя бы потому, что этого ожидает от него общество. Возникающая коллизия является одной из главных особенностей политической жизни Польши.

DOI: 10.17976/jpps/2023.02.11

THE EVOLUTION OF THE PRESIDENTIAL ROLE IN POLAND'S POLITICAL SYSTEM SINCE 1989

I.S. Putintsev[1]

[1] *MGIMO University. Moscow, Russia*

PUTINTSEV, Igor Sergeevich, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of European and American History and Politics, MGIMO University, email: isp90@mail.ru

Putintsev, I.S. (2023). The evolution of the presidential role in Poland's political system since 1989. *Polis. Political Studies*, 2, 154-170. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.11

Received: 28.09.2022. Accepted: 16.01.2023

Abstract. This article deals with the evolution of the presidential role in the Polish political system. Poland has a specific form of government that cannot be defined as semi-presidential or purely parliamentary. That creates uncertainty, enhancing the impact of situational factors and political practice. The principal goal of this research is to rank the Polish presidents according to their power and political influence with the use of specific criteria and to detect the dominant tendency. One of the aims of this article is to summarize the opinions on the Polish type of government, to analyze the legal base that defined the presidential role in different periods and identify the political conditions that influenced its evolution, to research the interaction of presidents with other state institutions and parties, to reveal the hierarchy of this interaction and the most important precedents, to evaluate the president's influence in different spheres, including foreign policy. This article has a chronological structure. The activities of the six heads of state are considered not in general but in how they influenced the evolution of president's institutional role. The main conclusion of this work is that the influence of the president in Poland has significantly fallen over the last 15-20 years. The ranking based on the author's criteria has proven this conclusion. With the exception of the veto and certain appointment powers, the president has few effective mechanisms to exert power. The political practice has also developed in his disfavour: the head of state has little influence on parties and paradoxically commands less political authority if he or she belongs to the same political camp as the cabinet and parliamentary majority. The president plays a less important role than the ruling party's leader and the prime minister, though his/her role is not ceremonial.

Keywords: Poland, president, semi-presidentialism, parliamentarism, Jaruzelski, Wałęsa, Kwaśniewski, Kaczyński, Komorowski, Duda.

References

Baylis, T.A. (1996). Presidents versus prime ministers: shaping executive authority in Eastern Europe. *World Politics,* 48, 297-323. https://doi.org/10.1353/wp.1996.0007

Barański, M., Czyż A., & Rajczyk, R. (Ed.). (2014). Władza wykonawcza w teorii i praktyce politycznej okresu transformacji. Doświadczenia państw Grupy Wyszehradzkiej. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Budzanowska, A. (2019). Pozycja ustrojowa Prezydenta RP w systemie konstytucyjnym Rzeczpospolitej Polskiej w kontekście członkostwa w Unii Europejskiej. *Politeja,* 4, 257-279. https://doi.org/10.12797/Politeja.16.2019.61.15

Cenkiewicz, S., & Chmielecki, A. (2016). Prezydent. Lech Kaczyński 2005-2010. Warszawa: Fronda.

Chojan, A. (2013). Polityka zagraniczna współczesnej Polski w świetle uwarunkowań instytucjonalno-prawnych. *Myśl Economiczna i Polityczna,* 1, 114-142.

Ciapała, J. (2018). Kompetencja Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej w zakresie powoływania sędziów. Refleksje krytyczne. In A. Rytel-Warzochy, & P. Uziębły (Ed.), *Gdańskie Studia Prawnicze. Wybrane zagadzenia prawa konstytucyjnego w Polsce 1997-2017,* vol. XL (pp. 493-506). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Dąbrowski, M. (2018). The evolution of the institution of president's prerogative powers in the Polish legal system. *Przegląd Prawa Konstytucyjnego,* 6, 155-165. https://doi.org/10.15804/ppk.2018.06.13

Dziemidok-Olszewska, B., & Michalczuk-Wlizło, M. (2018). Initiative of President Andrzej Duda regarding the change of the Constitution. *Teka of Political Science and International Relations,* 1, 25-34. https://doi.org/10.17951/teka.2018.13.1.25-34

Elgie, R. (2011). Semi-Presidentialism: Sub-Types and Democratic Performance. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1057/9780230306424

Glajcar, R. (2009). Ewolucja siły polskiej prezydentury w latach 1989-2009. In R. Glajcar, & W. Wojtasik (Ed.), *Transformacja systemowa w Polsce 1989-2009. Próba bilansu* (pp. 179-206). Katowice: Remar.

Glajcar, R. (2016). Dwadzieścia pięć lat powszechnych wyborów prezydenckich w Polsce. Potrzeba rewizji? *Studia Politologiczne,* 42, 13-34.

Grzybowski, M. (2012). System rządów w Rzeczypospolitej Polskiej: charakterystyka i diagnoza wątpliwości. Uwagi wprowadzające. *Przegląd Prawa Konstytucyjnego,* 1, 129-150. https://doi.org/10.15804/ppk.2012.01.07

Jasiewicz, K. (1997). Poland: Wałęsa's Legacy to the Presidency. In R. Taras (Ed.), *Postcommunist Presidents* (pp. 130-167). Cambridge: Cambridge University Press.

Jaśkiewicz, M. (Ed.). (2008). Wygraliśmy przyszłość. 10 lat Prezydentury Aleksandra Kwaśniewskiego. Przemówienia, wywiady, dokumenty (wybór). Warszawa, Szczecin: PPH ZAPOL Dmochowski.

Krzymowski, M. (2015). Jarosław. Tajemnicy Kaczyńskiego. Portret niepolityczny. Warszawa: Ringier Alex Springer Polska.

Leszczyńska, K. (2011). Participation of the presidents Wojciech Jaruzelski and Lech Wałęsa in the process of cabinet formation in Poland. *Polish Political Science Yearbook,* XL, 43-65. https://doi.org/10.15804/ppsy2011004

McMenamin, I. (2008). Semi-Presidentialism and democracy in Poland. In R. Elgie, & S. Moestrup (Ed.), *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe* (pp. 120-137). Manchester: Manchester University Press.

Millard, F. (1999). Polish politics and society. London, New York: Routledge.

Miller, L. (2013). Anatomia siły. Rozmowa z Robertem Krakowskim. Warszawa: Czerwone i Czarne.

Pach, M. (2011). Sens i bezsens weta ustawodawczego w Konstytucji RP z 1997 roku: w świetle konstytucyjnej regulacji pozycji ustrojowej Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. *Kultura i Polityka: Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Europejskiej im. ks. Józefa Tischnera w Krakowie,* 9, 130-156.

Piasecki, A.L. (2009). Weto ustawodawcze w III RP – wymiar normatywny i empiryczny. Próba bilansu. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, Sectio K,* XVI(2), 83-96.

Simpson, P. (1996). The troubled reign of Lech Wałęsa in Poland. *Presidential Studies Quarterly,* 26(2), 317-336.

Światała, S. (2009). Prezydent Rzeczypospolitej Polskiej w świetle konstytucji z 1997 roku. Regulacja i jej oceny. *Dialogi Polityczne,* 11, 87-103. https://doi.org/10.12775/DP.2009.007

Szczerbiak, A. (2017). An anti-establishment backlash that shook up the party system? The October 2015 Polish parliamentary election. *European Politics and Society,* 18(4), 404-427. https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1256027

Tomaszewski, W. (2019). The political debate on the change of the constitution of the Republic of Poland after the parliamentary elections of 2015. *Vestnik IKBFU. Humanities and Social Sciences,* 3, 89-99.

Turska-Kawa, A., & Wojtasik, W. (2019). Perception of images of Polish presidents after 1989 in the context of democracy consolidation process. *Journal of Comparative Politics,* 2, 4-17.

Walesa, L. (1992). The struggle and the triumph: an autobiography. New York: Arcade Publishing.

Wicherek, D. (2020). Inicjatywa ustawodawcza jako konstytucyjna kompetencja Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. *Przegląd Politologiczny,* 2, 147-156. https://doi.org/10.14746/pp.2020.25.2.10

Wyrykowski, M., & Cieleń, A. (2006). Poland – Semi-Presidentialism or „Rationalised Parliamentarism"? *European Constitutional Law Review,* 2, 253-267. https://doi.org/10.1017/S1574019606002537

Cheremushkin, P.G. (2016). Jaruzel'skii: ispytanie Rossiei [Jaruzelski: test by Russia]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russ.)

Lykoshina, L.S. (2001). Politicheskii portret Aleksandra Kvas'nevskogo [The political portrait of Aleksander Kwaśniewski]. Moscow: INION RAS. (In Russ.)

Lykoshina, L.S. (2015). "Pol'sko-pol'skaya voina": Politicheskaya zhizn' sovremennoi Pol'shi ["Polish-Polish war": the political life of contemporary Poland]. Moscow: INION RAS. (In Russ.)

Mayorova, O.N. (2007). The course of negotiations between the authorities and opposition at the 1989 "round table" in Poland. *Slavic Studies,* 3, 39-54. (In Russ.)

Литература на русском языке

Лыкошина Л.С. 2001. Политический портрет Александра Квасьневского. М.: ИНИОН РАН. EDN: RBIIOV.

Лыкошина Л.С. 2015. "Польско-польская война": Политическая жизнь современной Польши. М.: ИНИОН РАН. EDN: VLVAZB.

Майорова О.Н. 2007. К вопросу о ходе переговоров власти и оппозиции за "круглым столом" 1989 года в Польше. *Славяноведение.* № 3. С. 39-54. EDN: HZPXPT.

Черемушкин П.Г. 2016. Ярузельский: испытание Россией. М.: АИРО-XXI.